

Александр Николаевич Веселовский

Фотография Г. М. Перла. 1880-е гг.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Александр Веселовский

АКТУАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ
НАСЛЕДИЯ

Исследования и материалы

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2011

Л. А. Курышева

СКАЗКА МАДАМ Д'ОНУА ОБ ОСТРОВЕ БЛАЖЕНСТВА В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ И ПЕЧАТНОЙ ТРАДИЦИИ XVIII в.*

С появлением известной сказки Мари-Катрин Ле Жюомель де Барневиль, баронессы д'Онуа (*Aulnoy*, 1650 или 1651—1705) об острове Блаженства (*«Le conte de l'île de la Félicité»*), включенной ею в роман *«История Ипполита, графа Дугласа»* (*«Histoire d'Hypolite, comte de Duglas»*, 1690), во французской литературе утвердился новый жанр.¹ Это был жанр литературной волшебной сказки. Он узаконил в литературе сказочную фантастику и открыл дорогу в нее простонародным историям. Вместе с тем сказка, возникнув на почве салонной культуры,² вобрала в себя особенности литературы рококо, в том числе сочетание легкой игривой тематики с дидактизмом и приверженностью языку аллегорий.³

Необычна судьба перевода на русский язык сказки мадам д'Онуа. Его публикации предшествовало распространение в списках, из которых самые ранние восходят к середине XVIII в. Любопытно, что эта вставная сказка никогда не входи-

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых и ведущих научных школ в рамках научно-исследовательского проекта «Переводная литературная сказка в русской рукописной традиции второй половины XVIII в. (М. Лепренс де Бомон, М.-К. д'Онуа)», МК-1861.2005.6.

¹ См.: *Storer M.-E. La mode des contes de fées (1685—1700): Un épisode littéraire de la fin du XVII-e siècle*. Paris, 1928. Из последних работ по истории жанра см.: *Defrance A. Les premiers recueils de contes de fées // Féeries*. 2003. N 1. P. 27—48; *Perrin J.-F. Recueillir et transmettre: l'effet anthologique dans le conte merveilleux (XVII—XVIII-e siècles)* // *Ibid.* P. 145—212.

² См. об этом: *Duggan A.-E. Feminine Genealogy, Matriarchy and Utopia in the Fairy Tale of Marie Catherine d'Aulnoy // Neophilologus*. 1998. Vol. 82. N 2. April. P. 199—208.

³ См.: *Козлов С. Л. Проблема рококо и французское литературное сознание XVII—XVIII вв.*: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985; *Строев А. Судьбы французской сказки // Французская литературная сказка XVII—XVIII вв.* М., 1990. С. 5—32.

ла в русскую рукописную «Гисторию об английском кавалере Ипполите и Жулии». Не имея собственного наименования во французском оригинале (*«un conte approchant de ceux des Fées»*), в русской традиции она получила наименование «Гистория о принце Адольфе и острове вечного веселья».⁴

О популярности этой сказки говорит ее распространность в русской лубочной литературе XVIII в.⁵ В 1787 г. «Гистория...» была опубликована дважды в свободных переложениях: в сборнике «Повествователь русских сказок» (*«Сказка об острове вечного веселья»*) и в сочинении В. А. Левшина «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (*«Сказка о князе Медорсусане»*). В первом случае текст близок к рукописной «Гистории..», во втором — к французскому оригиналу. Наконец, в 1801 г. роман мадам д'Онуа был опубликован на русском языке целиком, хотя и без имени автора.⁶

Начало изучению сказки мадам д'Онуа на русской почве было положено А. Н. Веселовским. Сопоставив французский оригинал и список из собрания В. М. Ундорльского (ныне РГБ, ф. 310, № 912) с лубочным пересказом, он пришел к выводу, что лубочный текст создан на основе одной из редакций рукописной «Гистории...».⁷ Позднее С. Ф. Елеонский доказал, что лубочный текст лег в основу сказки из сборника «Повествователь русских сказок».⁸

В данной статье мы рассмотрим русские интерпретации сказки мадам д'Онуа. Наше внимание будет направлено на анализ особенностей перевода на русский язык стихотворных вставок в текст оригинала, выполняющих функцию ключа к сказочному аллегорическому сюжету.

⁴ Выявлено пять списков «Гистории о принце Адольфе и острове вечного веселья» (четыре зафиксированы в кн.: *Пытин А. Н. Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века*. М., 1888; еще один обнаружен в ГИМ (собр. Барсова, № 2358)).

⁵ См.: *Ровинский Д. Русские народные картинки*. СПб., 1881. Кн. 1: Сказки и забавные листы; Кн. 5: Заключение и алфавитный указатель имен и предметов.

⁶ *Приключения Ипполита, графа де Дюгласа / Пер. с фр. П. Синицына. Смоленск, 1801. Ч. 1—2.*

⁷ См.: *Веселовский А. Н. Из истории русской переводной повести XVIII в.: Mme d'Aulnoy, Histoire d'Hypolite и лубочная сказка о принце Адольфе // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1888. Т. 43. № 2. С. 1—25.*

⁸ См.: *Елеонский С. Ф. Старинные переводные повести в русских народных пересказах // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 44. Вып. 8: Русская литература. С. 3—19.*

Сюжет сказки сводится в общих чертах к следующему. Увлеченный охотой на медведя, русский принц Адольф (Adolphe) не замечает, что заблудился и потерял своих спутников. Высоко в горах он находит жилище бога ветров Эола (Eole, le Dieu des Vents) и его сыновей. Когда ветры собираются, он слушает рассказ Зефира (Zéphire) об острове Блаженства (l'île de la Félicité) и его прекрасной владычице принцессе Блаженства (Princesse Félicité). Адольф упрашивает Зефира перенести его на этот остров. При помощи зеленой накидки, которая делает его невидимым, принц проникает во дворец. Он влюбляется в принцессу и открывается ей, принцесса Блаженства отвечает ему взаимностью. Ничто не нарушает их счастья до тех пор, пока однажды Адольф не спрашивает у своей возлюбленной, как долго он уже находится на острове. «Триста лет», — отвечает ему принцесса. Пораженный этим известием, принц решает вернуться в свое государство, о судьбе которого ничего не знает. Глубоко опечаленная принцесса все же отпускает Адольфа, снабдив его оружием и волшебным конем по имени Бишар (Bichar) с условием, что он не сойдет с коня, пока не достигнет пределов своего отечества. Адольф преодолевает реки, горы и долины, но неожиданно дорогу ему перегораживает придавившая старика опрокинутая повозка, наполненная старыми крыльями. В ответ на его просьбу о помощи принц спешивается и протягивает ему руку. Старик сам встает на ноги и, объявив Адольфу, что он — Время (Temps) и что он ищет принца уже триста лет, душит его. Зефир переносит тело несчастного принца на остров Блаженства. Оплакивая смерть возлюбленного, принцесса устраивает на острове грот в его память.

По-видимому, на замысел сказки мадам д'Онуа оказали влияние востребованные европейской традицией античный миф об островах блаженных (тема вечной весны и вечной жизни) и сказочный сюжет о волшебнице, которая чарами удерживает героя на своем острове (Цирцея). Последний положил начало целой галерее волшебниц, заманивающих героя в любовный плен, отвлекая от совершения подвигов (Альцина, Армида).⁹

Будучи включенным в прозаическое повествование, поэтический текст принимает на себя дополнительную функцию. Три стихотворные вставки выступают в качестве своеобразного комментария к перипетиям сказочного сюжета. Первые две —

⁹ Высказывалось также мнение, что ближайшими прообразами принцессы Блаженства можно считать французских фей Моргану и Мелиозину (см.: Duggan A. E. Feminine Genealogy, Matriarchy and Utopia in the Fairy Tale of Marie Catherine d'Aulnoy. P. 200).

надпись на гроте Амура и песня, которую слышит герой во дворце, — маркируют идиллический топос острова Блаженства. Последняя стихотворная вставка — надпись на надгробии Адольфа — подводит итог рассказанной истории. Кратко охарактеризуем место стихотворных вставок в сюжете и приведем их текст и печатный перевод 1801 г., выполненный П. Синицыным.

Надпись, на которую указывает статуя Амура, воспевает всесилие любви: в ней состоит подлинное наслаждение, без нее все блага мира бесполезны. Дух неги, удовольствий и предвкушение радостей любви, которые ждут героя на острове Блаженства, выражены так:

П. Синицын

Quiconque de l'Amour ignore
les plaisirs,
N'a jamais éprouvé de douceur
véritable,
Lui seul peut remplir nos désirs
Et rendre la vie agréable:
Sans lui les plus grands biens
N'ont qu'un charme impuissant,
Et tout est languissant.¹⁰

Любви приятностей не зная,
Утех не знает человек;
Она, желанья все свершая,
Творит его блаженным век.
Богатство, слава сего света,
Не услаждают столько нас,
Как обладание предмета,
Любезного во всякой час.¹¹

Вторая стихотворная вставка подготавливает встречу Адольфа и принцессы Блаженства. В одной из комнат герой слышит песню-напутствие, призывающую хранить верность и быть настойчивым в любви, — ведь только так можно тронуть сердце красавицы и достичнуть успеха:

П. Синицын

Нежные сердца и верны,
Постоянны до конца;
От любви за жар безмерный
Ожидайте вы венца.
Злобный рок хоть и лишает
Вас щастливейших минут,
Но зачем ваш дух страдает?

¹⁰ *Aulnoy M.-C. Histoire d'Hypolite, comte de Duglas.* Paris, 1729. P. 111. Далее при ссылках на это издание страницы его указываются в тексте статьи. Цитирование французских и русских текстов дается в статье в модернизированной орфографии с частичным сохранением особенностей оригинала и перевода.

¹¹ Приключения Ипполита, графа де Дюглаза. С. 115. Далее при ссылках на это издание страницы его указываются в тексте статьи.

Si du destin la rigueur trop cruelle
Vous refuse d'heureux moments,
Vous devez espérer une saison
plus belle,
On obtient tout du temps.

(P. 113—114)

Надпись на гроте Амура и песня, утверждающие всесилие любви и ее абсолютную ценность, передают атмосферу острова Блаженства. Однако достигнутая героем высшая степень блаженства («высочайшая степень утех») оказывается не органичной законам человеческого мира, поскольку смертные не могут обладать вечным благополучием.¹² Случайно узнав о столетиях, пробежавших за время, казалось, недолгого пребывания на острове, герой задумывается над тем, как изменился мир и что стало с его государством. Остывшие чувства героя и осознание того, что добродетель и воинская доблесть пропали втуне, составляют основу сюжетного конфликта.

Событийный ряд завершается погребением принца Адольфа в гроте на острове Блаженства. В головах погребенного Зефир устанавливает памятник, составленный из трофеевого оружия, по сути памятник несущественным действиям, поскольку герой не успел совершить ни одного подвига. На надгробии Зефир выбивает надпись о властелине всего сущего — Времени (третья стихотворная вставка). Закон мира состоит в переменчивости и скоротечности всего — красоты, желаний, даже любви, которую некоторые готовы считать вечной:

d'Aulnoy

Le Temps est le Maître de tout,
Il n'est rien dont il ne vienne à
bout,
La beauté passe avec les années;
L'homme forme à la fois mille
nouveaux désirs;
Et son esprit se trouble au milieu
des plaisirs;
S'il croît ses peines couronnées;
S'il paroît content quelque jour
D'une conquête qu'il a faite,

Времена сии пройдут.
(C. 118)

Il éprouve bientôt par de fâcheux
retours,
Qu'il ne trouve point d'éternelles
amours,
Ni de fidélité parfaite.

(P. 124)

Горчайшие для вас беды. Время
Властитель щастий ваших^{агой;}
Вдруг отнял образ ваш д^р,
Вы приняли тяжело брем^ж,
Остались в судьбине злой^ж.
(C. 132)

После смерти принца хозяика острова Блаженства на всегда гроты скрывается от людей. Эмблематически оформленные бви и острова повествуют о двух всесильных стихиях — Ли^с и Времени. Заключительные слова сказки указывают на с ально-сказательность еще раз: сообщается, что со временем печ à bout прошествия вошло в пословицу, «que le temps vient de tout, et qu'il n'est point de félicité parfaite».¹³

Рассмотрим теперь, что происходит со стихотворными вставками в русских рукописных памятниках. Сюжет сказки сохранен в них полностью: лампландийский принц Адольф (нашим, в оригинале — русский) при помощи Зефира попадает на Остров вечного веселия, где встречает Принцессу края и держат веселия. Из пяти списков этой сказки три рукописи со¹⁵ Они более пространную редакцию¹⁴ и две — более краткую. Рукописи разнятся незначительными особенностями языка и мотивами в поворотах сюжета, а также тем, насколько в них воспроизведены стихотворные вставки оригинала. Для настоящей «Гиссмы» пользовались рукописью из собрания БАН, № 19.2.38¹⁵, где история о принце Адольфе и о острове вечного веселия (раз с наибольшей полнотой дан перевод стихотворных вставок, напечатанных с другими списками незначительны). Вставки званные «виршами», имеют парную рифмовку и предста¹⁶ собой источный подстрочник. В других списках тексты¹⁷ наставлены неполно, с выпадением строк. Вот перевод надписи на гроте Амура («Вирши на аспиде» у статьи «Купида»):

Кто сомневается, что увеселение
Не может исполнить наше хотение,
И показует приятную жизнь,
Дабы вечно любить,
Имеет только прелесть безвластну,
Однако ж ко всему сластну.¹⁶

¹³ Р. 125. Перевод Синицына см. ниже, с. 170.

¹⁴ БАН, № 19.2.38; РГБ, ф. 310, № 912; ГИМ, собр. Барсова, № 2358.

¹⁵ РНБ, собр. Вяземского, Q.200; ГИМ, собр. Забелина, № 530.

¹⁶ БАН, № 19.2.38, л. 133 об.—134. Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала.

Как мы можем видеть, смысл отдельных строк сохранен, но в целом лирическое содержание передано темно. Речь идет не столько о могуществе бога любви, сколько о тех, кто сомневается в его абсолютной власти. Возникшая здесь тема вечной любви («И покажет приятную жизнь, / Дабы вечно любить») находит отклик в последней лирической вставке оригинала, в которой опровергнуто существование вечной страсти и совершенной верности.

Песня-напутствие в большей степени соответствует содержанию оригинала:

Бутте верны и бутте приятны и любезны,
Разрушил вас цвет прекрасный.
Производите ваши действия в совершенство,
Время приходит всякому во блаженство.
Ты всегда горячностию сожена,
Когда злость фортуны жестока,
Надлежит вам надеяться на хорошие времена,
Которые бывают иногда стражи вашего живота.¹⁷

В переводе этой стихотворной вставки обращает на себя внимание то, с каким трудом переводчик справлялся со строками, метафорически описывающими сферу любовных отношений. «Amant, vous toucherez le cœur de votre belle» и «Vous qui brûlez d'une ardeur mutuelle» переданы затемненной фразой «Разрушил вас цвет прекрасный» и эквивалентом «Ты всегда горячностию сожена»; с последним рифмуется немотивированное «Которые бывают иногда стражи вашего живота», хотя выше шла речь о любовных победах.

Вопреки оригиналу, в переводе стихотворной надписи на надгробии Адольфа развивается тема забвения, противостоять которой может лишь посмертная слава:

Время есть время господин,
И не единаго нет, кто б до конца происходил.
Красота проходит с годами,
А человеческий разум возмущает многие забавы,
А выдумывает разные желания.
Ежель надеяся за свои труды награждения,
Кажется быть доволен славою¹⁸
И от него учиненою забавою.
Он искушает тот час чрез нещастливость,

¹⁷ БАН, № 19.2.38, л. 134 об.

¹⁸ В списке РГБ, ф. 310, № 912 — «победою», что соответствует «conquête» оригинала.

Ежель не обрящет достопамятную храбрость
Или навечную совершенность.¹⁹

На первый взгляд, переводчиком найдены эквиваленты для обозначения любви и любовных побед: «забавы» («plaisirs»), «за свои труды награждения» («ses peines couronnées»). Однако во второй части стихотворения, несмотря на то что парная рифма к слову «славою» взята из круга любовной лексики — «забавою», выбранные переводчиком эквиваленты: «труды» («réipes»), «слава» (вместо «conquête»), «достопамятная храбрость» (вместо «éternelles amours») и «навечная совершенность» (вместо «fidélité parfaite») — соотносятся не с тщетностью любовных побед, а с военными подвигами, которые не будут преданы забвению. Заключительные строки рукописной повести также развиваю тему конечности человеческой жизни: «Время всеми и во всех всем обладает, / И никто в нем совершенно не пребывает».²⁰

Теперь обратимся к печатным переложениям сказки мадам д'Онуа. В «Сказке об острове всегдашнего веселия» стихотворные вставки оригинала не сохранены, только надпись на могиле Адольфа передана силлабо-тоническим двустишием и развивает тему власти времени: «Время в свете скоротечно / И ни что не есть в нем вечно».²¹

В строгом смысле «Сказка о князе Медорсусане» Левшина не является переделкой, поскольку, за исключением некоторых деталей, это весьма точный перевод сочинения мадам д'Онуа, в котором изменены имена главных героев и несколько усилены дидактические акценты. Не исключено, что непосредственным источником перевода послужил немецкий текст.²² В сказке Левшина русский князь Медорсусан²³ владеет Северной Русью, во время охоты он попадает в жилище бога ветров Позвиста, откуда Зефир несет его на Щастливый остров, во владения княжны Прелепы.

Русские переводы стихотворных вставок Левшина и Синицына свидетельствуют о мастерстве переводчиков и том пути,

¹⁹ БАН, № 19.2.38, л. 138 об.

²⁰ Там же, л. 139. Все списки повторяют этот стих, за исключением списка ГИМ, собр. Барсова, № 2358, который завершается описанием того, как Время отнимает жизнь у Адольфа.

²¹ Повествователь русских сказок. М., 1787. С. 105.

²² В качестве литературной параллели в оригинале упоминаются Армида и Ренод (т. е. Ринальдо), в левшинском переложении они заменены Амофалой и Геркулесом со ссылкой на «древних немцев».

²³ Отметим сходство со ставшим нарицательным именем счастливого любовника Медора из «Неистового Роланда» Ариосто.

который совершила русская лирика благодаря школе А. П. Сумарокова.²⁴ Заслуживают внимания отказ переводчиков от калькирования и обращение их к фонду уже разработанного русского поэтического языка. Воспевающая власть любви надпись на гроте Амура выполнена Левшиным четырехстопным хореем и Синицыным — четырехстопным ямбом:

Кто утех любви не знает,
Сладостей еще прямых,
Тот на свете не вкушает,
Чувств не ведает своих.
К ним желанья все стремятся,
И блаженство наше в них;
Все богатства учинятся
Скучной тягостью без них.²⁵

При переводе песни, предваряющей встречу принца с Прелой (принцессой Щастья — у Синицына), обоими переводчиками выбран четырехстопный хорей:

Верность в страсти сохраняя,
Ты, любовник, нежен будь;
От несклонности страдая,
Можешь наконец тронуть.
Вся судьбы к тебе суровость
Пременится для любви:
Строгость женщины не новость,
Льзя вспалить ей жар в крови.
Постоянство одолеет
Саму каменную грудь;
Время проложить умеет
В сердце всякой гордой путь.

(С. 227)

Перевод Левшина представляется более искусственным благодаря таким выражениям, как «судьбы суровость», «жар в крови» (соответственно — «злобный рок» и «жар безмерный» у Синицына) и галицизму «tronуть».

Звучащая во французском оригинале песни-напутствия тема будущих лучших времен (*«une saison plus belle»*) для

²⁴ См.: Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 19—204.

²⁵ Левшин В. А. Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских. М., 1787. Ч. 1. С. 224. Далее при ссылках на это издание страницы его указываются в тексте статьи. Соответствующие тексты в переводе П. Синицына см. выше, с. 163—165.

влюбленного в третьей лирической вставке преобразуется в драматическую тему проходящего времени. Это последнее стихотворение оригинала говорит о непостоянстве прежде всего любовных отношений: под *«une conquête»* подразумевается любовная победа, заключительные строки говорят о переменчивости любовного чувства (*«Il éprouve bientôt par de fâcheux retours, / Qu'il ne trouve point d'éternelles amours, / Ni de fidélité parfaite»*). Как и в русских рукописных переводах, на первый план в пересказе Левшина выходит тема конечности человеческой жизни, усиленная кольцевым развитием в композиции стихии:

Время в свете всем владеет,
Всяку вещь к концу ведет:
Красота пред ним слабеет,
Сильных крепость упадет.
Хоть желанья разновидны
Возмущают смертных век:
Суеты коль не завидны,
Зри с печалью, человек!
Постоянства нет в забаве,
Ни в любви, ни в чести, славе,
В мире здешнем все минет.
Времени сильнее нет.

(С. 237)

Выбранный Синицыным четырехстопный ямб более отвечает серьезности темы, нежели прыгающий четырехстопный хорей Левшина. Как и у Левшина, в переводе Синицына закон непостоянства распространяется на жизнь человека в целом — так возникает тема скоротечности жизни, столь любимая философской русской лирикой и во многих вариантах разработанная поэтической школой М. М. Хераскова.²⁶ Лежащая в основе сказки мадам д’Онуа мысль о том, что не существует ни вечной страсти, ни совершенной верности в любви, ни возможностей для смертных пребывать в совершенном счастье, претворяется в русских переводах в тему коловоротности и суеты мира. И это несмотря на то что пересказ Левшина и перевод Синицына заканчиваются довольно точным воспроизведением заключительных слов оригинала, соответственно:

²⁶ Ср. философскую лирику русских поэтов второй половины XVIII в.: «Во всем на свете сем премена / И все непостоянно в нем» (А. П. Сумароков, «На суету человека», 1759), «Но время все дела людские пожирает / (...) Всех обща в свете часть: забвение и смерть» (М. М. Херасков, «Время», 1761).

В. А. Левшин

Со времени плачевного приключения вошло в пословицу, что Время над всем владеет и нет уже на свете Щастливого острова.

(С. 238)

В сказке Левшина получает развитие тема монарха, который, забыв о государственных дела, лишил себя славы, а подданных — благоденствия. Она была лишь намечена в сказке мадам д’Онуа под влиянием Тассо (Ринальдо предстоит освободиться из плена волшебницы и вернуться в мир для совершения подвигов): «...vois avec honte ma vertu sans occupation, et ton nom sans éclat».²⁷ «Сказку о Медорсусане» советник Славомир рассказывает в наставление своему государю Избору. По окончании рассказа придворные обсуждают достоинства сказки, и Славомир поясняет ее содержание: «Сказка сия (...) изображает нам, что время течет безостановочно; и потому надлежит оним пользоваться и не тратить оного в действиях бесполезных; а особливо Монарху, от коего зависит блаженство миллионов народа. В Медорсусане видите вы доброго Государя, который начал течение царствования своего с пользою для своих подданных; он защитил их от сильного неприятеля, но течение славного подвига остановило суетное любопытство, вовлекшее его в сети любовные, из коих он уже поздно выпутался. Добротель его наконец восторжествовала: он вспомнил о том, чем должен он своим подданным и своему отечеству; но жаль, что ослепление его разрушилось уже тогда, как течение дней его достигло предопределения. Ах! Сколько есть государей, подобных Медорсусану!..» (С. 239).

Подведем итоги. Предметом художественного осмыслиения в сказке мадам д’Онуа стал закон непостоянства человеческих страстей и желаний. В аллегорической форме автор исследует вопрос о соприродности человека миру совершенного счастья. Особенности восприятия сказки на русской почве были обусловлены новизной жанра литературной сказки и отсутствием салонной культуры с ее интересом к частной жизни. В русских рукописных переводах сказки, а затем и в печатных пересказах конца XVIII в. и в переводе 1801 г. центральной становится мысль о краткости земного существования человека.

²⁷ Р. 120. Перевод Синицына: «...вижу я, что добротель моя погибает в праздности, а имя мое без величия» (С. 126).

П. Синицын

Весь свет, с бедственного оного случая, верит: «что Время все истребляет и что нет совершенного благополучия».

(С. 134)

Н. А. Непомнящих

К ИСТОРИИ МОТИВА ПОВАЛЕННОГО ДЕРЕВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX—XX вв.

В произведениях русских писателей сюжетная ситуация, когда герой становится свидетелем падения дерева, встречается часто. Иногда упавшее дерево является аллегорией, как в четверостишии В. А. Жуковского «Дружба» (1805), иногда оно — составляющая часть идеального послегрозового пейзажа, как в «Успокоении» (1830) Ф. И. Тютчева. Однако чаще поваленное грозою, бурей или человеком дерево символизирует судьбу героя. «Зажгло грозою дерево, / А было соловьиное / На дереве гнездо» — именно такими словами предваряется в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863—1877) рассказ о тяжелой доле крестьянки Матрены Тимофеевны (начало главы «Демушка»). Судьба / действия героя также могут сравниваться с упавшим деревом:

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка во сыром бору,
Под смолистый корень подрубленная.¹

Мотив поваленного дерева, по всей вероятности, имеет фольклорный источник — лирические песни, где параллелизм «дерево — человек» встречается регулярно. В русской литературе мотив упавшего дерева тоже повторяется часто, причем как в лирических, так и в эпических произведениях разных жанров. Структура психологического параллелизма, знакомая по фольклорным источникам, преимущественно лирическим песням, в литературных произведениях сохраняется и выглядит следующим образом: «поваленное дерево — чья-то загубленная судьба». Но бывают исключения, например своеобразная инверсия в стихотворении Н. Заболоцкого «Гроза идет» (1957). Об

¹ Лермонтов М. Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1980. Т. 2. С. 344.

Gross K. 156

Muschg A. 139

Hartzebbush J.-E. 293
Hee-Ju Kim 139
Holsti K. 197
Howard J. E. 62
Husserl E. 145

Iser W. 156

Jackson R. L. 97

Kesting M. 143
Kluckhohn P. 145

Mallinger L. 283, 285
Marangoni M. 251
Marbach E. 145
Meyer J.-B. 218
Muncker F. 137

Nelson L. 97
Novati F. 238

Pasquini E. 251
Pedrini R. 251
Perrin J.-F. 160
Pessina Longo H. 233
Petrucci L. 266
Pozza O. 220

Sade D.-A.-F. 6, 241
Stendhal F. 182
Storer M.-E. 160

Vaihinger H. 157
Veglia M. 251

Wilpert G. 156

СОДЕРЖАНИЕ

I

<i>В. Е. Багно, М. Б. Плюханова. А. Н. Веселовский: актуальные аспекты наследия . . . . .</i>	3
<i>Г. В. Стадников. Теория «встречных течений» А. Н. Веселовского и проблемы национального развития литературы . . . . .</i>	16
<i>В. И. Еремина. К проблеме исторической поэтики фольклора . . . . .</i>	22
<i>О. А. Светлакова. Лекционные курсы А. Н. Веселовского как историко-литературная концепция . . . . .</i>	35
<i>А. А. Асоян. А. Н. Веселовский и дантология XIX—XX вв. . . . .</i>	43
<i>Л. Н. Киселева, Т. Н. Степанищева. К источникам книги А. Н. Веселовского о В. А. Жуковском (К. К. Зейдлиц) . . . . .</i>	62
<i>С. Н. Азбелев. Труд А. Н. Веселовского «Южнорусские былины»: проблемы издания . . . . .</i>	72
<i>П. В. Дмитриев. Некоторые проблемы современного издания «Декамерона». (Заметки редактора) . . . . .</i>	79
<i>В. Е. Багно. А. Н. Веселовский как художник слова . . . . .</i>	88
<i>К. Ю. Лапто-Данилевский. Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике . . . . .</i>	96
<i>Т. И. Подкорытова. Три варианта отрицательного параллелизма в «Слове о полку Игореве» с точки зрения исторической поэтики . . . . .</i>	110
<i>Р. Ю. Данилевский. «Сердечное воображение» как элемент творчества . . . . .</i>	132
<i>Л. А. Курышева. Сказка мадам д'Онуа об острове Блаженства в русской рукописной и печатной традиции XVIII в. . . . .</i>	160
<i>Н. А. Непомнящих. К истории мотива поваленного дерева в русской литературе XIX—XX вв. . . . .</i>	171
<i>Ж. Нива. Гоголь и Руссо: об одном психологическом инварианте . . . . .</i>	178